

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 2 (83). С. 112–118.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 2 (83):112–118.

Научная статья
УДК 821.161.1-1.09«19»
DOI 10.37724/RSU.2024.83.2.012

Сергей Есенин и Ирина Кнорринг: творческие параллели

Дорра Ауини

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II,
Санкт-Петербург, Россия
s215009@stud.spmi.ru

Аннотация. В статье рассмотрены поэтические параллели в творчестве С. А. Есенина и И. Н. Кнорринг. Межтекстовые связи в стихотворном наследии двух поэтов анализируются в аспекте их личных судеб. Кнорринг и Есенин были представителями поколения, родившегося на рубеже XIX–XX веков, и на жизнь обоих поэтов трагически влияли события, происходившие в России в начале XX века: революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война. Кнорринг в 1920 году покинула Россию, а Есенин остался на родине, но для обоих поэтов революция 1917 года стала ключевым событием в их жизненном пути. Оба поэта стремились переработать опыт внешних событий в художественной форме. Помимо прямого обращения к памяти и творчеству Есенина в стихах Кнорринг, обнаруживается много сходных мотивов и творческих приемов, которые сближают поэзию Кнорринг с поэзией Есенина. Оба поэта нередко используют один и тот же размер стиха, похожие по форме перекрестные рифмы. Также обнаруживаются схожие стилистические приемы и способы создания эмоционального настроения произведения, такие как лексические повторы. Образный мир стихотворений Кнорринг нередко напоминает образы из стихов Есенина. Следует отметить и определенное сходство в содержании и тематике стихотворений Есенина и Кнорринг. В некоторых случаях речь может идти о межтекстовых связях как об осознанном приеме, применяемом Кнорринг. В других стихотворениях сходство обусловлено поэтическим восприятием трагических событий во внешнем мире и в собственной жизни.

Ключевые слова: эмиграция первой волны, литература русского зарубежья, поэзия Ирины Кнорринг, поэзия Сергея Есенина, образность стихов, стилистические приемы, межтекстовые связи.

Для цитирования: Ауини Д. Сергей Есенин и Ирина Кнорринг: творческие параллели // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 2 (83). С. 112–118. DOI: 10.37724/RSU.2024.83.2.012.

Original article

Sergei Yesenin and Irina Knorring: creative parallels

Dorra Aouini

Empress Catherine II St. Petersburg Mining University,
St. Petersburg, Russia
s215009@stud.spmi.ru

Abstract. The article examines poetic parallels in the works of S. A. Yesenin and I. N. Knorring. Intertextual connections in the poetic heritage of two poets are analyzed in terms of their personal destinies. Knorring and Yesenin were representatives of the generation born at the turn of the 19th and 20th centuries, and the lives of both poets were tragically influenced by the events that took place in Russia at the beginning of the

20th century: the revolution of 1917 and the subsequent Civil War. Knorring left Russia in 1920, and Yesenin remained in his homeland, but for both poets the revolution of 1917 became a key event in their life path. Both poets sought to rework the experience of external events in artistic form. In addition to the direct appeal to Yesenin's memory and creativity in Knorring's poems, many similar motifs and creative techniques are found that bring Knorring's poetry closer to Yesenin's poetry. Both poets often use the same verse meter and cross rhymes that are similar in form. Similar stylistic devices and ways of creating the emotional mood of the work, such as lexical repetitions, are also found. The figurative world of Knorring's poems often resembles images from Yesenin's poems. It should be noted that there is a certain similarity in the content and themes of the poems by Yesenin and Knorring. In some cases, we can talk about intertextual connections as a conscious technique used by Knorring. In other poems, the similarity is due to the poetic perception of tragic events in the outside world and in one's own life.

Keywords: emigration of the first wave, literature of the Russian diaspora, poetry of Irina Knorring, poetry of Sergei Yesenin, imagery of poetry, stylistic devices, intertextual connections.

For citation: Aouini D. Sergey Yesenin and Irina Knorring: creative parallels. *The Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2024; 2 (83):112–118. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.83.2.012.

Введение

Исследователи-филологи отмечают некоторую предопределенность судеб многих русских поэтов, родившихся на рубеже XIX и XX веков. Как правило, жизнь этих поэтов, которые создали уникальный культурный феномен поэзии Серебряного века, складывалась трагически (см.: [Пасевич, 2021, с. 228]). Расцвет юности многих из них пришелся на годы революции и Гражданской войны в России. Даже если противостояние не коснулось их непосредственно, то резкое обрушение всего строя жизни, социальная катастрофа не могли не отразиться как на личности, так и на творчестве этих людей (см.: [Серебряный век русской литературы, 2009, с. 12]).

Поэт Ирина Николаевна Кнорринг, которая покинула Россию ребенком в первую волну русской эмиграции, родилась в 1906 году. Формально творчество Кнорринг не относится к Серебряному веку, но ее судьба сложилась не менее трагично, чем судьбы многих представителей этого течения. Творчество И. Н. Кнорринг неотделимо от русской культуры, несмотря на то, что все ее стихотворения были созданы в эмиграции.

И. Н. Кнорринг следила за поэтической жизнью и творчеством поэтов, связанных с покинутой ею большевистской Россией. Об этом свидетельствует ее интерес и внимание к творчеству Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Владислава Ходасевича, Сергея Есенина (см.: [Соколова, 2010, с. 54]).

В данной работе мы рассмотрим художественные образы и приемы, которые связывают поэтическое творчество И. Н. Кнорринг и С. А. Есенина.

Основная часть

Изученность темы исследования. В настоящее время в русскоязычной исследовательской литературе немного исследований, посвященных жизни и творчеству Ирины Кнорринг. Так, по мнению В. А. Соколовой, можно говорить о том, что, живя вдали от России, Кнорринг все же продолжала находиться в едином духовном и художественном пространстве с родиной [Соколова, 2015, с. 339]. Исследователь отмечает, что между стихами Кнорринг и творчеством поэтов Серебряного века существует как культурная, так и художественно-образная связь. Также Соколова указывает на наличие определенного сходства между поэтическими мотивами Ахматовой и Кнорринг [Соколова, 2010, с. 60]. Кнорринг сознательно училась поэзии, читая стихи Ахматовой, которая, прочитав стихи Ирины Кнорринг спустя много лет, высоко оценила их (см.: [Шукина, Ауини, 2020, с. 56]).

Как свидетельствует в дневниковых записях сама Кнорринг, глубокое впечатление оставила в ее душе и творчестве Цветаева. Кнорринг посетила творческий вечер Цветаевой в феврале 1926 года, после чего написала стихотворение-посвящение «Цветаевой» [Кнорринг, 1913, с. 29].

А. Л. Жовтис в предисловии к книге стихов Кнорринг, озаглавленном «Жизнь и судьба Ирины Кнорринг», отмечает, что для нее ближе всех из современников были Ахматова и Бунин, а также Цветаева, сыгравшая важную роль в становлении таланта поэтессы [Жовтис, 1993, с. 8].

Методы исследования. В работе применялся сравнительный лингвостилистический и структурно-семантический анализ текстов С. А. Есенина и И. Н. Кнорринг.

Результаты и обсуждение. В дневниках Кнорринг есть записи, посвященные Ахматовой, Цветаевой, Ходасевичу. Также периодически встречаются упоминания о Есенине. Например, в записи от 6 февраля 1927 года Кнорринг пишет: «Вчера все были на докладе Миллюкова о евразийстве, Юрий меня провожал. Пришли домой во втором часу. Мамочка позвала его чай пить. Пока она приготавливала ужин, мы сидели и читали Есенина» [Кнорринг, 2009–2013, с. 13]. Здесь отношение к поэту никак не обозначено, но то, что Кнорринг читает его стихи и даже упоминает об этом в дневнике, говорит о ее интересе и внимании к творчеству русского поэта. Отметим, что отсылка к Есенину в контексте «евразийства» неслучайна: Есенина наряду с А. Блоком и Н. Клюевым считали поэтом-евразийцем (см.: [Солнцева, 2016, с. 70]).

Эмоциональные строки появляются в дневнике в связи со смертью поэта. Самоубийство Есенина (28 декабря 1925 года) стало потрясением для Кнорринг. Так, в ее дневнике присутствует подробное описание не только того момента, когда она узнала о его гибели, но и предшествующих событий: «...несколько книжек стихов. Между прочим, в одной из них лежала вырезка из “Новостей” со стихотворением Есенина “Отговорила роща золотая”. Не знаю, почему — я долго остановилась на нем. А наутро, чуть проснулась, слышу, как Папа-Коля читает в газете о самоубийстве Есенина. Страшное впечатление произвело это на меня» [Кнорринг, 2009–2013, с. 150].

Она откликнулась на известие о его смерти стихотворением-посвящением «Отговорил, отскандалил» (30 декабря 1925 года), которое содержит очевидные интертекстуальные связи со стихами самого Есенина (см.: [Золотые миры, 2019, с. 101]). В частности, в первой строке употребляются глагольные формы «отговорил», «отскандалил», которые отсылают к стихотворениям Есенина «Отговорила роща золотая...» (1924), «Я обманывать себя не стану...» (1922) (см.: [Ауини, 2022, с. 4]). Отметим, что стихотворение начинается со слова «отговорил», то есть с прямой цитаты из стихотворения Есенина, на котором Кнорринг «долго остановилась» в самый день смерти поэта. Можно предположить, что она сочла этот эпизод не просто случайным совпадением, но проявлением некоей духовной связи с погибшим поэтом.

Позднее, в записи от 26 марта 1926 года, в дневниковых записях снова появляется имя Есенина: «Первым выступал Осоргин, читал письмо из Москвы, одно стихотворение из неизвестных и сказал очень хорошо и умно несколько слов о Есенине» [Кнорринг, 2009–2013, с. 155]. М. А. Осоргин в своей статье «Отговорила роща золотая...» подчеркивал, что попытки политических спекуляций относительно трагической кончины поэта представляются ему «не только безвкусицей, но и неуважением к памяти покойного». По мнению Осоргина, стихотворение Есенина «Мне осталась одна забава» является духовным завещанием поэта, своего рода поэтическим покаянием (цит. по: [Поликовская, 2014, с. 121]). В стихах из цикла «Москва кабацкая» Осоргин заметил поворот «в сторону романтического идеализма» [Шубникова-Гусева, 2002, с. 18].

В судьбах Есенина и Кнорринг, на первый взгляд, мало общего: Кнорринг еще ребенком покинула Россию, Есенин, в отличие от поэтов-эмигрантов, остался в стране, был популярным и известным. Однако жизнь и смерть Есенина — это еще один пример трагической судьбы поколения русских поэтов начала XX века (см.: [Русское зарубежье о Есенине, 1993 ; Ходасевич, 2017, с. 372]). И жизнь Есенина, и жизнь Кнорринг были полны тяжелых испытаний и закончились трагически. Кнорринг значительную часть жизни страдала от тяжелой болезни и осознавала неминуемый, близкий конец. Есенин не был болен в общепринятом смысле слова, однако его образ жизни приводил к физическим и душевным страданиям (см.: [Шубникова-Гусева, 2002, с. 12]).

Есенин, так же, как и Кнорринг, понимал, что долго не проживет. Оба поэта ушли очень рано: Есенин — в 30 лет, Кнорринг — в 36 лет. Смерть — одна из ключевых тем их творчества. Жизненный путь обоих поэтов отмечен особой бесприютностью, «неприкаянностью», о чем и Кнорринг, и Есенин не раз писали в своих стихах. Оба любили Россию особой, трагической любовью, которая также нашла свое выражение в их поэзии (см.: [Иванов, 1993, с. 384]).

Следует отметить, что отношение к событиям октября 1917 года у Ирины Кнорринг и Сергея Есенина различалось. Восприятие Есениным революции и Гражданской войны не было негативным или трагическим. Есенин романтически интерпретировал революционные события как «преображение духа» и новое ««сотворение» мира». Кризисные настроения уныния, духовного упадка хотя и присутствовали в поэзии Есенина периода «Сорокоуста», но наряду с ними проявлялись и жизнеутверждающие мотивы.

Тем не менее имели место и «сближения» жизненных траекторий двух поэтов, которые не могли не проявиться в некотором сходстве их стихотворного наследия. В данном случае речь не идет, как в случае с Ахматовой, об отношениях «учитель — ученик», о сознательном восприятии формы, стиля, содержания чужого творчества. Это, на наш взгляд, можно считать проявлением воздействия трагедии внешних обстоятельств жизни на внутренний мир поэта и на его поэтические произведения.

Так, стихотворение «Я пуглива, как тень на пороге...» (1928) Ирины Кнорринг очень напоминает и по форме, и по содержанию стихотворение из цикла «Москва кабацкая» Сергея Есенина «Да, теперь решено — без возврата...» (1922). Размер обоих стихотворений — трехстопный анапест. Этот размер часто употребляется в текстах песен и романсов и как будто подчеркивает контраст стихотворной формы с мрачным смыслом текстов. В стихотворении Кнорринг — перекрестная рифма: «...пороге / дверей / тревогой / дней», также и в стихотворении Есенина используется характерная для него перекрестная рифмовка («возврата / края / крылатой / тополя»).

В обоих стихотворениях упоминается смерть: в стихотворении Кнорринг это главная тема: «Кто мне скажет, что я умерла» (с. 413), у Есенина это неизбежный финал его пребывания в «обрюзгшем городе»: «На московских изогнутых улицах / Умереть, зная, судил мне Бог» (т. 1, с. 167)¹.

У Кнорринг есть строки, очень близкие по звучанию тексту Есенина: «И когда-нибудь, странно сутулясь, / В час, когда умирают дома, / Я уйду по расщелинам улиц / В лиловатый вечерний туман» (с. 431). Сравним: «Низкий дом без меня ссутулится» у Есенина. Более того, эта строфа из стихотворения Кнорринг перекликается со строчкой «Я иду, головою свесясь, / Переломом в знакомый кабак». Близким у поэтов становится и восприятие города: строфа Кнорринг «Я уйду по расщелинам улиц» созвучна «На московских изогнутых улицах» Есенина.

Определенное стилистическое и образное сходство мы видим между стихотворениями «На шестом этаже» Кнорринг (с. 430–431) и «Не жалею, не зову, не плачу...» Есенина (т. 1, с. 163–164). Эти стихи близки и по размеру, и по стилистическим приемам, и по художественным образам.

Оба стихотворения написаны пятистопным хореем с перекрестной рифмой: «плачу / дым / охвачено / молодым» (Есенин); «тумане / бреду / скитаньям / приду» (Кнорринг) (см.: [Бельская, 1978, с. 30]). Стихотворения объединяются темой смерти — одной из главных тем и для Кнорринг, и для Есенина. В их текстах развивается традиционная для поэтов метафора «жизнь — это сон» (см.: [Невзглядова, 2017, с. 219]). Например: «День за днем проходит, как в бреду» (Кнорринг), «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?» (Есенин). Смерть предстает как единственное надежное убежище, долгожданный покой после бесприютного странствования по жизни.

Финал стихотворения Кнорринг — «Я смогу спокойно умереть» — очень похож на концовку стихотворения Есенина: «Что пришло процветь и умереть». Сходство тем более явное, так как совпадают даже финальные рифмы в произведениях «медь / умереть». Можно предположить, что стихотворение Кнорринг, написанное в 1928 году, было осознанным подражанием тексту Есенина, так как очевидно наличие межтекстовых связей между этими произведениями.

Столь же очевидно и сходство художественных образов в творчестве Кнорринг и Есенина. В поэзии обоих сквозной темой проходит образ поэта, измученного не только духовно, но и физически, до степени изменения внешнего облика, на что указывает сутулость и поникшая голова (например, в стихотворении «Я пуглива, как тень на пороге» (с. 430) и «Снова пьют здесь, дерутся и плачут»: «И я сам, опустясь головою...» (т. 1, с. 169)). И Есенин, и Кнорринг говорят о том, что бытие поэта означает страдание. Образу сломленного, «ссутулившегося» поэта часто сопутствует образ смертельно больного, распадающегося города. Метафоры, описывающие городское пространство, также похожи: у Кнорринг это «умирающие дома» и «расщелины улиц», у Есенина — улицы «изогнутые», а город «обрюзг и одрях».

Еще один выразительный образ, встречающийся и в стихах Есенина, и в стихах Кнорринг, — это туман, «матовый», «серый», «лиловатый», «внимательный» и т. д. Персонаж стихотворения уходит в туман, улицы тонут в тумане: в поэзии Ирины Кнорринг — это враждебная, противоположная жизни стихия, то есть смерть. В творчестве Есенина туман «синий», «пегий», «шуршащий», «рдяный», «желтый». Он олицетворяет скорее безразличное, чем враждебное отношение внешней среды к лирическому герою.

¹ Стихотворения И. Н. Кнорринг цит. по: [Золотые миры, 2014] с указанием страниц; стихотворения С. А. Есенина цит. по: [Есенин, 1995] с указанием тома и страниц.

Зеркало — также общий символический образ, встречающийся в поэзии Есенина и Кнорринг. Зеркало символизирует жизнь, свет, надежду. Когда Кнорринг в стихотворении «Я пуглива, как тень на пороге» спрашивает: «Кто... завесит мои зеркала?» (с. 430), читатель понимает, что речь идет о близкой и неминуемой смерти поэта. Также и в «Черном человеке» Есенина «разбитое зеркало» — это знак надвигающегося конца, краха всех надежд и жизненных перспектив как лирического героя, так и самого поэта.

Помимо сходства символики художественных образов, в поэтическом наследии Кнорринг и Есенина есть много стилистических совпадений.

И в поэзии Кнорринг, и в поэзии Есенина широко распространен такой прием, как лексический повтор (анафора, эпифора, рефрен). Кнорринг очень широко использует анафору для создания соответствующего настроения у читателя. Так, она нередко приводит морфемную анафору: «Перезвоны далеких церквей. / Пересветы арабских костров» («Я не помню...», с. 346). Также поэтесса часто применяет в стихах прием лексической анафоры, например: «Кто мне скажет, что я умерла? / Кто затеплит высокие свечи...» («Я пуглива, как тень на пороге», с. 431); «Сломай положенные сроки, / Сломай размеренные дни» («Веди меня по бездорожью», с. 441); «Не разлюбить веселых звонких слов, / Не позабыть бы имена и лица» («Перед зарей», с. 416) и т. д. Синтаксическую анафору Кнорринг использует в стихотворении «Рождество»: «Как в ночь летели звездные огни, / Как в ночь летели сдавленные стоны» (с. 343).

Есенин тоже применяет эту фигуру речи для того, чтобы подчеркнуть смысл стихов, объединить в единое целое разные структурные элементы текста. Пример лексической анафоры: «Чтоб не видеть в лицо роковое, / Чтоб подумать хоть миг об ином» (т. 1, с. 169) («Снова пьют здесь, дерутся и плачут»). Синтаксическая анафора: «Не жаль мне лет, растроченных напрасно, / Не жаль души сиреневую цвет» (т. 1, с. 209) («Отговорила роща золотая...»); «То ли ветер свистит / Над пустым и безлюдным полем, / То ль, как рощу в сентябрь, / Осыпает мозги алкоголь» (т. 3, с. 188) («Черный человек»); «Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабу, / Вспомнил кладбищенский рыхлый снег. / ... Вот почему так тянусь я к людям, / Вот почему так люблю людей...» (т. 1, с. 287) («Синий туман»).

Помимо анафорических повторов, важную стилистическую и эмоциональную нагрузку несут повторы эпифорические. Это актуально и для стихов Есенина, и для стихов Кнорринг. Так, в первых строфах стихотворения «Старый квартал» Ирина Кнорринг использует лексическую эпифору: «Занавески на окнах. Герань. / Неизбежные вспышки герани» (с. 432). Это настойчивое повторение, «неизбежность» герани как будто говорит о тщетных попытках обрести душевное спокойствие (герань символизирует «мещанский» уют, благополучное и спокойное существование). Примером эпифоры в творчестве Есенина может служить повторение слова «рай» в стихотворении «Гой ты, Русь моя родная...»: «Кинь ты Русь, живи в раю! / Я скажу: «Не надо рая...»» (т. 1, с. 51). В тексте стихотворения «Мне осталась одна забава...» применяется синтаксическая эпифора — повторение в различных формах словосочетания «смешная потеря»: «Ах! какая смешная потеря! / Много в жизни смешных потерь» (т. 1, с. 185).

Эпифора усиливает эмоциональную выразительность и художественную образность текстов. Например, повторение слова «было» в тексте стихотворения Кнорринг «Все это было» обостряет состояние тоски, уныния, бесприютности изгнанника в чужой стране. «Это было и прошло, это было и больше этого не будет» — такую мысль поэт стремится донести при помощи трехкратного повторения в тексте фразы «Все это было, было, было» (с. 442). Печальное, заунывное звучание строки передает читателю настроение безнадежности, обреченности, о которой пишет Кнорринг в своем стихотворении.

Пример блестящего использования лексического повтора Есениным — рефрен в поэме «Черный человек». «Черный человек, / Черный, черный...» (т. 3, с. 188) — дважды повторяется в стихотворении. Повтор создает напряженный эмоциональный фон текста, а также актуализирует архетипические образы «черного человека» — носителя рока, посланца дьявола, смерти.

В целом лингвистический анализ стихотворений Кнорринг и Есенина позволяет сделать вывод о наличии сходных образов и приемов в творчестве обоих поэтов. Для Ирины Кнорринг ориентация на художественный опыт Сергея Есенина во многих случаях является осознанным художественным приемом, фактором творческого плодотворного литературного влияния старшего современника.

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели межтекстовое сходство поэзии И. Н. Кнорринг и С. А. Есенина. Проведенное исследование выявило некоторую близость художественных образов, поэтических форм и приемов, которые применяли оба поэта. Поэтические параллели определяются как на уровне художественных образов (смерть, страдающий поэт, обреченный город, туман, зеркало), так и на уровне стихотворных форм и стилистических приемов. Кнорринг и Есенин часто используют сходный размер, ритм и рифмовку стиха, а также применяют метафоры, олицетворения, лексические повторы. Сделанные наблюдения позволяют сказать, что ориентация на творчество Есенина в поэзии Ирины Кнорринг очевидна.

Список источников

1. Ауини Д. Проблема идентичности русских беженцев в Париже в 20-е годы XX века: на примере поэтического творчества Ирины Кнорринг // Мир русского слова. — 2022. — № 3. — С. 2–10.
2. Бельская Л. Л. Об эволюции есенинских хорейских трехстопников // Композиция и стиль художественного произведения. — Алма-Ата, 1978. — С. 60–68.
3. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. / гл. ред. Ю. Л. Прокушев ; подгот. текстов и коммент. А. А. Козловского ; науч. ред. А. М. Ушаков. — М. : Наука : Голос, 1995. — Т. 1. — 671 с. ; Т. 3. — 1998. — 720 с.
4. Жовтис А. Л. Жизнь и судьба Ирины Кнорринг // После всего: стихи 1920–1942 / И. Н. Кнорринг. — Алма-Ата : Вариант, 1993. — 288 с.
5. Золотые миры / сост. Н. Н. Кнорринг. — Самара : Инсома-пресс, 2019. — Т. 1 : Избранное. — 350 с.
6. Иванов Г. В. Поэзия и поэты // Собрание сочинений : в 3 т. — М. : Согласие, 1993. — Т. 3 : Мемуары. Литературная критика. — С. 583–587.
7. Кнорринг И. Н. Стихи о себе. — Париж : [б. и.], 1931. — 60 с.
8. Кнорринг И. Н. Повесть из собственной жизни: дневник : [в 2 т.]. — М. : Аграф, 2009–2013. — 400 с.
9. Невзглядова Е. А. Сны в русской поэзии // Звезда. — 2017. — № 6. — С. 217–231.
10. Пасевич З. В. Судьбы поэтов Серебряного века в очерках Вс. Н. Иванова // Эпоха науки. — 2021. — № 25, март. — С. 225–231.
11. Поликовская Л. В. Есенин. Русский поэт и хулиган. Биографии и Мемуары. — М. : Вече, 2014. — 288 с.
12. Русское зарубежье о Есенине : в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. Н. И. Шубниковой-Гусевой. — М. : ИНКОН, 1993.
13. Серебряный век русской литературы : сб. ст. / отв. ред. О. В. Богданова. — СПб. : Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2009. — 247 с.
14. Солнцева Н. М. Поэтическое евразийство С. Есенина и литературный контекст // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. — М. : Изд-во Ин-та мировой лит. им. А. М. Горького РАН, 2016. — С. 67–85.
15. Соколова В. А. Литературные связи И. Н. Кнорринг и А. А. Ахматовой (восстановление связи с традицией через чтение-учебу) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына. — 2010. — 190 с.
16. Соколова В. А. Свобода и отчаяние в поэзии Ирины Кнорринг // Знание. Понимание. Умение. — 2015. — № 2. — С. 338–343.
17. Ходасевич В. Ф. О Есенине (десять лет со дня смерти) // Литературная критика 1922–1939. — М. : Директ-Медиа, 2017. — 440 с.
18. Шубникова-Гусева Н. И. Есенин Сергей Александрович (1895–1925) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). — 2002. — № 11. — С. 9–17.
19. Щукина Д. А., Ауини Д. Лирика И. Н. Кнорринг и Анны Ахматовой: тематические переключки // Лингвисториторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. — 2020. — № 25-2. — С. 55–57.

References

1. Auini D. The problem of identity of Russian refugees in Paris in the 1920s: on the example of poetic work of Irina Knorring. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word]. 2022, iss. 3, pp. 2–10. (In Russian).
2. Belskaya L. L. On the Evolution of Yesenin's Choreic Triple Stropes. *Kompozitsiya i stil khudozhestvennogo proizvedeniya* [Composition and Style of Artistic Work]. Alma-Ata, 1978, pp. 60–68. (In Russian).

3. Yesenin S. A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Complete Works: in 7 vols.]. Ed. by Y. L. Prokushev; text preparation and commentary by A. A. Kozlovsky; ed. by A. M. Ushakov. Moscow, Nauka Publ., Golos Publ., 1995, vol. 1, 671 p.; vol. 3, 1998, 720 p. (In Russian).
4. Zhovtis A. L. Life and fate of Irina Knorring. *Posle vsego: stikhi 1920–1942. I. N. Knorring* [After everything: poems 1920–1942. I. N. Knorring]. Alma-Ata, Variant Publ., 1993, 288 p. (In Russian).
5. *Zolotyie miry* [Golden worlds]. Comp. by N. N. Knorring. Samara, Insoma-press Publ., 2019, vol. 1: Selections, 350 s. (In Russian).
6. Ivanov G. V. Poetry and poets. *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 volumes]. Moscow, Soglasie Publ., 1993, vol. 3: Memoirs. Literary criticism, pp. 583–587. (In Russian).
7. Knorring I. N. *Stikhi o sebe* [Poems about myself]. Paris, 1931, 60 p.
8. Knorring I. N. *Povest iz sobstvennoy zhizni: dnevnik: v 2 t.* [A story from my own life: diary: in 2 vols.]. Moscow, Agraf Publ., 2009–2013, 400 p. (In Russian).
9. Nevzglyadova E. A. Dreams in Russian poetry. *Zvezda* [Zvezda]. 2017, iss. 6, pp. 217–231. (In Russian).
10. Pasevich Z. V. Fates of poets of the Silver Age in Vs. N. Ivanov's essays. *Epokha nauki* [The Age of Science]. 2021, iss. 25, March, pp. 225–231. (In Russian).
11. Polikovskaya L. V. *Yesenin. Russkiy poet i khuligan. Biografii i Memuary* [Yesenin. Russian poet and hooligan. Biographies and Memoirs]. Moscow, Veche Publ., 2014, 288 p. (In Russian).
12. *Russkoye zarubezhye o Yesenine: v 2 t.* [Russian abroad about Yesenin: in 2 vols.]. Intr., comp. and commentary by N. I. Shubnikova-Guseva. Moscow, INKON Publ., 1993. (In Russian).
13. *Serebryanny vek russkoy literatury: sb. st.* [The Silver Age of Russian literature: collection of articles]. Ed. by O. V. Bogdanova. St. Petersburg, Dept. of Philology and Arts of St. Petersburg State University Publ., 2009, 247 p. (In Russian).
14. Solntseva N. M. S. Yesenin's poetic Eurasianism and literary context. *Sergey Yesenin. Lichnost. Tvorchestvo. Epokha* [Sergey Yesenin. Personality. Works. Epoch]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of RAS Publ., 2016, pp. 67–85. (In Russian).
15. Sokolova V. A. Literary connections of I. N. Knorring and A. A. Akhmatova (restoring connections with tradition through reading and studying). *Yezhegodnik Doma russkogo zarubezhya im. A. I. Solzhenitsyna* [Yearbook of the A. I. Solzhenitsyn House of Russian Abroad]. 2010, 190 p. (In Russian).
16. Sokolova V. A. Freedom and despair in the poetry of Irina Knorring. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2015, iss. 2, pp. 338–343. (In Russian).
17. Khodasevich V. F. About Yesenin (ten years since his death). *Literaturnaya kritika 1922–1939* [Literary criticism 1922–1939]. Moscow, Direct-Media Publ., 2017, 440 p. (In Russian).
18. Shubnikova-Guseva N. I. Yesenin Sergey Alexandrovich (1895–1925). *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezhya (1918–1940)* [Literary encyclopedia of Russian abroad (1918–1940)]. 2002, iss. 11, pp. 9–17. (In Russian).
19. Shchukina D. A., Auini D. Lyrics by I. N. Knorring and Anna Akhmatova: thematic parallels. *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty* [Linguistic and rhetorical paradigm: theoretical and applied aspects]. 2020, iss. 25-2, pp. 55–57. (In Russian).

Информация об авторе

Ауини Дорра — аспирант кафедры русского языка и литературы Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II.

Сфера научных интересов: литература русского зарубежья, эмиграция первой русской волны.

Information about the author

Aouini Dorra — post-graduate student at the Department of Russian Language and Literature at Empress Catherine II St. Petersburg Mining University.

Research interests: literature of Russian abroad, the first Russian emigration wave.

Статья поступила в редакцию 11.02.2024; принята к публикации 30.03.2024.

The article was submitted 11.02.2024; accepted for publication 30.03.2024.